

Часть первая

1

Когда-нибудь вы увидите эту картину. Она на долго исчезла, но недавно вдруг нашлась, поэтому теперь все музеи охотно будут ее выставлять. Карл Швинд считается ныне самым известным и дорогим художником в мире. Когда отмечалось его семидесятилетие, он часто мелькал на газетных и журнальных страницах, на всех телеканалах. Впрочем, нужно внимательно присмотреться, чтобы в сегодняшнем старике узнать прежнего молодого человека.

А вот картину я узнал сразу. Я обнаружил ее в последнем зале Художественной галереи, и она произвела на меня столь же сильное впечатление, как тогда, в доме Гундлаха, где я увидел ее впервые.

По лестнице спускается женщина. Правая нога шагнула на нижнюю ступеньку, а левая еще касается верхней, но уже готова сделать новый шаг. Женщина обнажена, у нее бледное тело, светлые волосы на лобке и голове, прическа слегка поблескивает от солнечных лучей. Обнаженная, бледная, светловолосая, на расплывчатом зеленовато-сером фоне стены и лестничных ступеней, женщина с парящей легкостью идет прямо на зрителя. Но одновременно в ее длинных ногах, округлых бедрах, упругой груди ощущается чувственная весомость.

Я медленно подошел к картине, и она смутила

меня, как в первый раз. Тогда меня смутило, что на картине была изображена обнаженной женщиной, которая днем раньше сидела напротив меня в моем офисе в джинсах, топике и жакете. Теперь смущение возникло потому, что картина напомнила мне старую историю, в которую я ввязался и которую потом постарался вычеркнуть из памяти.

«Женщина на лестнице», — гласила табличка возле картины, предоставленной галерее частным владельцем для временной экспозиции. Разыскав куратора выставки, я поинтересовался, кто владелец картины. Он ответил, что не вправе разглашать имя. Я сказал, что знаю модель, знаю и владельца, а потому предвижу конфликт относительно вопроса о собственности. Куратор наморщил лоб, но повторил, что не вправе разглашать имя.

2

Мой обратный авиабилет до Франкфурта был забронирован на вторую половину четверга. Однако переговоры в Сиднее завершились к полудню среды, поэтому я мог бы переделать билет и вылететь вечером. Но мне захотелось провести остаток дня в Ботаническом саду.

Я решил пообедать там, поваляться на травке, а вечером пойти в Оперный театр и послушать «Кармен». Мне нравится Ботанический сад, в северной части он соседствует с собором, а на юге с Оперным театром; прямо в саду находится Художественная галерея и Консерватория, с холма открывается вид на залив. В саду есть пальмовый дендрарий, розарий, аптекарский огород, пруды, беседки, статуи и множество обрамленных старыми деревьями лужаек, где бабушки и дедушки играют с внучатами, одинокие мужчины и женщины выгуливают собак, компании устраивают пикники, встречаются влюбленные, кто-то читает, а кто-то дремлет. На лоджии ресторана в центре Ботанического сада время кажется остановившимся навсегда: старые чугунные колонны, железные перила, вид на деревья с летучими лисицами и фонтан с птицами; у птиц яркое оперение и изогнутые клювы.

Сделав официанту заказ, я позвонил коллеге. Он оформлял слияние двух концернов с австралийской

стороны, я — с немецкой. Как это обычно бывает при подобных сделках, мы оказались одновременно партнерами и соперниками. Но мы были ровесниками, оба — ведущие адвокаты последних крупных юридических фирм, еще не приобретенных американцами или англичанами, к тому же оба вдовцы и вполне симпатизировали друг другу. Я поинтересовался, какое детективное агентство обслуживает его фирму, и он мне его назвал.

— Есть проблема и нужна помощь?

— Нет, просто захотелось удовлетворить давнее любопытство.

Позвонив в агентство, я попросил выяснить, кому принадлежит картина Карла Швинда, выставленная в Художественной галерее Нового Южного Уэльса, а также узнать, не проживает ли в Австралии некая Ирена Гундлах или Ирена, носившая ранее фамилию Гундлах. Директор агентства выразил надежду, что через несколько дней сумеет ответить на мои вопросы. Я предложил премиальные, если ответы будут получены не позднее завтрашнего утра. Он рассмеялся. Либо удастся добыть информацию в Художественной галерее уже сегодня, либо потребуется несколько дней, тогда премиальные не помогут. Он перезвонит.

Официант принес заказанное блюдо. Я попросил бутылку вина, которую не собирался выпивать целиком, но все же выпил. Иногда проснувшиеся летучие лисицы стайкой вылетали из ветвей, кружили в воздухе, потом вновь повисали на ветках, сложив крылья. Порой у фонтана громко кричала одна из

ярких птиц. Вдруг начинал плакать ребенок или раздавался собачий лай, изредка до меня доносился разговор японских туристов, похожий на птичий щебет. Но чаще слышалось только стрекотание цикад.

Я лег в траву на склоне холма, увенчанного зданием Консерватории. Прямо в пиджаке — мысль о том, что остаток дня я прохожу в мятом и запачканном костюме, меня не пугала, хотя обычно я бы поостерегся валяться вот так запросто. Потом мне стали безразличны и мысли о том, что меня ожидает в Германии. Нет ничего такого, чем я не смог бы пренебречь, и ничего такого, что не смогло бы пренебречь мною. Во всех предстоящих делах я был вполне заменим. Незаменимым я был лишь в том, что осталось позади.

3

Собственно говоря, я намеревался стать судьей, а не адвокатом. Я прекрасно сдал госэкзамены, знал, что судей не хватает, был готов идти туда, где буду востребован, и считал собеседование в Министерстве юстиции обычной формальностью. Собеседование было назначено на конец рабочего дня.

Референтом по кадровым вопросам оказался пожилой господин с доброжелательным взглядом.

— Аттестат зрелости вы получили уже в семнадцать лет, в двадцать один год сдали первый государственный экзамен, а в двадцать три — второй; мне еще никогда не попадался столь юный и крайне редко встречался столь достойный соискатель на должность судьи.

Я исполнился гордостью и за успешно сданные экзамены, и за свой юный возраст. Но мне хотелось произвести впечатление скромного человека.

— Я раньше пошел в школу, а тут еще две реформы с изменением начала учебного года: то начало сдвинули с весны на осень, то опять с осени на весну. Я выиграл два полугодия.

Он кивнул:

— Вам подарили два полугодия. А потом еще полгода, так как после первого государственного экзамена не пришлось ждать и вы сразу получили вакансию стажера. У вас образовался изрядный запас

времени.

— Простите, не понял...

— Вот как? — Он дружелюбно взглянул на меня. — Если в следующем месяце вы приступите к работе, то вам предстоит сорок два года судить других. Вы будете сидеть на возвышении, остальные внизу, вы будете слушать их, разговаривать с ними, иногда улыбаться им, но под конец вы сверху вниз объявите свой вердикт: кто прав и кто виноват, кого лишить свободы и кому ее даровать. Вы этого хотите — сорок два года сидеть наверху, сорок два года выносить приговоры? Полагаете, это пойдет вам на пользу?

Я не знал, что сказать. Да, мне нравилась мысль о том, что, сидя на возвышении, в судейском кресле, я буду по справедливости разбирать дела других людей и выносить справедливые решения. Почему бы и не сорок два года?

Он закрыл лежавшее перед ним личное дело.

— Разумеется, мы вас возьмем, если вы того действительно хотите. Но я не стану делать это сегодня. Приходите на следующей неделе, мой преемник оформит ваше назначение. Или приходите через полтора года, когда закончится подаренный вам запас времени. А еще лучше — лет через пять, познакомившись с правосудием снизу, поработав адвокатом, юрисконсультантом или комиссаром полиции.

Он поднялся, я тоже встал и, совершенно сбитый с толку, смотрел, как он подошел к шкафу, достал пальто, перекинул его через руку. Затем мы вместе вышли из кабинета, миновали коридор, спустились по

лестнице и остановились наконец на улице, перед входом в министерство.

— Чувствуете, как пахнуло летом? Еще немного, и начнутся жаркие дни, приятные вечера и теплые грозы. — Он улыбнулся. — Бог в помощь.

Меня жгла обида. Я им не нужен? Тогда и они мне не нужны. Я стал адвокатом не по совету пожилого господина, а наперекор ему. Переехал во Франкфурт, поступил в юридическую фирму «Кархингер и Кунце», где работали пятеро сотрудников, параллельно с адвокатурой защитил диссертацию и через три года стал компаньоном фирмы. Я был самым молодым компаньоном юридической фирмы во Франкфурте и гордился этим. Кархингер и Кунце дружили с гимназии и университета; Кунце не имел ни жены, ни детей, а у Кархингера была жена, родом с берегов Рейна, а потому жизнерадостная, и сын, мой ровесник, которому со временем предстояло занять место в отцовской юридической фирме; пока же сын Кархингера не без труда справлялся с учебой, и я готовил его к государственным экзаменам. По счастью, мы хорошо ладили друг с другом и ладим до сих пор. Сегодня он является компаньоном фирмы, как и я. Недостаток юридических знаний он компенсирует умением общаться с людьми, благодаря чему фирма обзавелась важными клиентами. Сегодня она насчитывает семнадцать младших компаньонов и тридцать восемь штатных сотрудников, работающих по найму. И в этом тоже его немалая заслуга.

4

Поначалу мне поручали дела, не вызывавшие интереса у Кархингера и Кунце. Дело художника, который, выполнив заказ и получив оплату, вступил в конфликт с заказчиком, администратор нашего офиса передал мне, даже не спросив Кархингера или Кунце.

Карл Швинд пришел не один. Художника, которому на вид было чуть за тридцать, сопровождала женщина лет двадцати; если его всклокоченная грива и джинсовый комбинезон вполне соответствовали духу, царившему летом шестьдесят восьмого года, то его безупречно одетая спутница выглядела рядом с ним чужеродно. Она вела себя непринужденно, холодно разглядывала меня, а когда художник начинал горячиться, успокаивала его, положив ладонь ему на руку.

— Он не разрешает мне фотографировать.

— Вы...

— У меня испорчено портфолио, некоторые работы нужно сфотографировать заново. Я знаю владельцев, созваниваюсь с ними, мне разрешают приехать, сфотографировать мою картину. Все рады мне. А он отказывает.

— Почему?

— Он не говорит. Я ему позвонил, он бросил трубку, а на письмо не ответил. — Художник поднял и опустил руки, сжал кулаки. Руки у него были

большие, как и все остальное: фигура, лицо, глаза, нос, рот. — Я привязан к своим картинам. Мне тяжело смиряться с их продажей.

Я объяснил, что по закону нельзя отказать художнику, который пожелает сделать копию, в до ступе к его собственной картине.

— Однако ваши законные интересы не должны нарушать оправданных интересов владельца.- Нарушаете ли вы чем-либо его интересы?

Вскинув голову и сжав губы, художник мотнул головой. Я вопросительно взглянул на женщину, та, усмехнувшись, пожала плечами. Он назвал мне имя и фамилию владельца картины — Петер Гундлах, сообщил его адрес: фешенебельный район на лесистом склоне Таунуса.

— При каких обстоятельствах пострадало ваше портфолио? Хотя это не имеет решающего значения, но если бы я сумел объяснить причину, почему вам необходимо...

Он опять перебил меня, и я посетовал на себя, как всегда, когда не мог добиться желаемого.

— Я попал в аварию, и портфолио сгорело вместе с машиной.

— Надеюсь...

— Со мной все обошлось. А вот Ирену зажало в машине, и она, — он положил ладонь на ее колено, — получила ожоги.

— Мне очень...

Он махнул рукой:

— Ничего серьезного. Все уже зажило.

5

Я написал Гундлаху, тот сразу ответил. Дескать, произошло недоразумение. Естественно, художник может приехать, чтобы сфотографировать картину. Передав это сообщение Швинду, я счел дело закрытым.

Однако спустя неделю Швинд опять явился ко мне. Он был вне себя.

— Вас не пустили?

— Картина повреждена. Похоже, по правой ноге провели зажигалкой.

— Гундлах?

— Да, он. Говорит, будто случайно. Только это было не случайно, а преднамеренно. Я сразу увидел.

— Чего вы теперь хотите?

— Чего хочу? — Женщина опять сопровождала его, она опять положила ладонь на его руку. Однако он все равно повысил голос. — Чего хочу? Это моя картина. Мне пришлось продать ее, и она теперь висит у него, но это моя картина. Я хочу устранить повреждение.

— Вы предложили ему отреставрировать картину?

— Он не дает. Мол, незначительное повреждение ему не мешает. В дом к себе не пускает, а взять картину из дома нельзя.

История приобретала, на мой взгляд, гротесковый характер, но лица обоих посетителей были

серьезными, поэтому я с такой же серьезностью объяснил, что в правовом отношении ситуация непростая.

— Необходимо констатировать наличие повреждения, причем такого, которое наносит ущерб интересам автора. Однако интересы автора подлежат защите лишь в том случае, если поврежденное произведение доступно для обозрения достаточно широкому кругу лиц; в свою очередь, владелец картины может поступать с ней по своему усмотрению, если она не покидает приватной сферы. Могу вновь послать Гундлаху письмо с изложением тех или иных юридических аргументов. Но если мы передадим дело в суд, то шансы у нас невелики. А что, собственно, изображено на картине?

— Женщина, спускающаяся по лестнице. — Он обвел глазами кабинет. — Это большая картина. Видите дверь? Картина немного больше.

— Конкретная женщина?

— Это жена... — в его голосе появилась упрямая нота, — бывшая жена Гундлаха.

6

Гундлах опять ответил незамедлительно, выразив сожаление по поводу очередного недоразумения. Естественно, он согласен на реставрацию. По его мнению, лучше всего, когда поврежденную картину реставрирует сам художник. Однако выносить картину из дома нельзя, иначе будет потеряна страховая защита из-за нарушения условий хранения. Художник может приходить в любое время. Я переслал письмо Швинду.

Во мне проснулось любопытство, поэтому я справился в книжном магазине насчет изданий о Карле Швинде. Несколько лет назад Франкфуртское художественное объединение устроило выставку его картин и выпустило скромный каталог, больше ничего не нашлось. В живописи я не разбираюсь, поэтому не берусь судить о качестве его картин. Они изображали морской прибой, небо, облака и деревья; интересный колорит; все написано с той расплывчатостью, с какой мне видится мир, когда я снимаю очки. Знакомый и все же немного странный. В каталоге перечислялись галереи, выставлявшие Швинда, и премии, им полученные. Он не был неудачником, но и не добился большого признания, хотя, возможно, считался перспективным. С задней обложки каталога на меня смотрела его фотография: он был слишком крупным для надетого костюма, для стула, на котором сидел,

для формата каталога.

Не прошло и недели, как Швинд пришел вновь, опять в сопровождении женщины. Он был действительно очень большой, гораздо крупнее, чем показался мне при первом визите. Рост у меня — метр девяносто, я сухощав, был тогда и нахожусь сейчас в хорошей форме, и ростом он не выше, но так силен и коренаст, что рядом с ним я чувствовал себя едва ли не малорослым.

— Он опять напакостил.

Я догадался, о чем речь, но не хотел опережать моего клиента.

— Что именно?

— Гундлах опять повредил картину. Я два дня корпел над ногой, собирался на третий день закончить работу, но тут обнаружил на левой груди пятно от пролитой кислоты. Краска потекла, запузырилась — надо снять ее, загрунтовать это место заново и переписать.

— А что он говорит?

— Якобы я сам виноват. Он, мол, нашел в моих вещах склянку, которая пахнет так же, как пятно на картине. Он настаивает на реставрации, причем за мой счет, только реставрировать должен другой художник. Мне он больше не доверяет. — Швинд растерянно взглянул на меня. — Что прикажете делать? Я никого не подпущу к моей картине.

— А вы готовы опять исправить поврежденное место? — Я все хуже понимал, как реагировать на события.

— Место? Это не просто какое-то место. Это левая грудь! — Он схватил за левую грудь сидевшую рядом женщину.

Я опешил, но она засмеялась, не устыдившись, не смутившись, а просто весело рассмеялась: губы слегка скривились, на щеках обозначились ямочки. Она была блондинкой, и я ожидал услышать звонкий смех. Но смех получился глуховатым, с хрипотцой, как ее голос. Она сказала: «Карл!» — сказала ласково, как разговаривают с расшалившимся неловким ребенком.

— Я предложил ему поправить картину. Я даже предложил выкупить ее обратно, если угодно — за двойную цену. Но он не согласился. Сказал, что не хочет меня больше видеть.

7

На сей раз я позвонил Гундлаху. Любезным тоном он выразил сожаление.

— Не знаю, как у него вышла такая оплошность. Понятна его досада и желание восстановить картину в прежнем виде. Я тоже этого хочу, и никто не восстановит картину лучше его. Я ни в чем его не упрекал и не отказывал ему в доверии. Ведь он такой ранимый. — Гундлах засмеялся. — Во всяком случае, по сравнению с людьми вроде вас или меня. Но для художника это, видимо, нормально.

Швинд отреагировал на мое сообщение с облегчением и одновременно с озабоченностью:

— Надеюсь, все обойдется.

Три недели я о нем ничего не слышал. За это время он написал левую грудь заново. Ночью, накануне завершения работы, картина упала на металлический столик, где лежали кисти и краски; на картине остались пятна и появился разрыв.

Гундлах позвонил мне, он был вне себя:

— Сначала кислота, теперь эта напасть... Возможно, он великий художник, однако уж больно-неловок. Я не могу заставлять его снова заняться реставрацией. Но я человек довольно влиятельный, поэтому сумею позаботиться, чтобы он перестал получать заказы, пока не отреставрирует картину.

Угроза оказалась излишней. Швинд, явившись ко

мне в тот же день, был готов, даже жаждал заняться реставрацией, хотя на нее понадобилось бы от одного до двух месяцев. Но он пребывал в отчаянии.

— А что, если он потом опять...

— Полагаете, это его рук дело?

— Уверен. Неужели художник не сумеет прислонить картину к стене так, чтобы она не упала? Нет, он свалил ее, а потом вдобавок порезал ножом. Кант у столика тупой, он бы не порвал холст. — Швинд горько усмехнулся. — Знаете, где находится разрыв? Вот тут. — На этот раз он не стал трогать свою спутницу, а коснулся рукой собственного живота и паха.

— Зачем ему это?

— Из ненависти. Он ненавидит картину, на которой изображена его жена, ненавидит жену, которая бросила его, ненавидит меня.

— За что?

— Он ненавидит не картину, а тебя, потому что я ушла от него к тебе. — Женщина покачала головой. — Картина ему безразлична. Он хочет насолить тебе, вот и уродует картину.

— Вместо того чтобы решить дело со мной напрямую, он уродует картину? Разве это по-мужски? — От возмущения Швинд не мог усидеть на месте. Потом все-таки сел, понуро опустив плечи.

Я попытался осмыслить услышанное. Женщина позировала художнику, а потом сбежала с ним от мужа? Поменяла старого на молодого? Выжала из старого при разводе все возможное?

Но моей проблемой был муж, а не она.

— Оставьте в покое Гундлаха и картину. В юридическом отношении он бессилен вам навредить, его угрозу воспользоваться своим влиянием не стоит воспринимать всерьез. Забудьте про картину, даже если это причинит вам боль. Или напишите ее заново, — надеюсь, такое предложение для художника не оскорбительно.

— Не оскорбительно. Но от картины я отказаться не могу. Впрочем... — Он притих, выражение его лица изменилось, исчезло отчаяние, возмущение, презрение; лицо стало детским, и большой мужчина посмотрел на нас спокойно, уверенно. — Знаете, а ведь повреждение на ноге вполне могло быть случайным. Когда Гундлах заметил его, картина ему разонравилась. Он даже подумал, что повреждение поможет ему все забыть, а забвение принесет облегчение. Поэтому в следующий раз он сам повредил картину. Но, увидев картину в прежней красоте, он вновь полюбит ее.

— Гундлах не производит на меня впечатление человека, который поддается воздействию искусства. — Я вопросительно взглянул на женщину, но она ничего не сказала, не кивнула, а только посмотрела на Швинда удивленными и влюбленными глазами, словно радуясь его детскому простодушию. Я сделал новую попытку. — Вы отдаете себя в его руки. Он будет портить картину снова и снова. Вы не сможете заняться собственной работой.

Швинд печально взглянул на меня:

— За последние месяцы я ничего не написал.

8

Он рассчитывал отреставрировать картину за месяц или за два, и я был уверен, что потом он вновь появится в моем офисе. Однако минуло лето, а он так и не появился. В октябре я был занят сложным делом, поэтому не вспоминал о Швинде. Но однажды утром наш администратор сообщил, что ко мне пришла Ирена Гундлах. На ней были жакет, топик, джинсы, и поначалу мне показалось, что для осени она одета слишком легко, однако, взглянув в окно, я увидел, что утренний туман рассеялся, небо посинело, а листья каштанов поблескивают золотом на солнце.

Подав мне руку, она села.

— Я пришла по поручению Карла. Ему хотелось поблагодарить вас лично, но сейчас у него такой период, когда лучше не отвлекаться от работы. В последние месяцы Гундлах находился в США, не мешал, поэтому Карл не только отреставрировал мой портрет, но и начал новую картину. — Она улыбнулась. — Вы бы его не узнали. Избавившись от проблем с моим портретом, он стал совершенно другим человеком.

— Весьма рад.

Она не поднялась с места, а лишь положила ногу на ногу.

— Счет, пожалуйста, пришлите на мой адрес. У Карла нет денег, он все равно передаст счет мне. —

Она заметила в моих глазах вопрос, прежде чем я успел подумать о нем. — Это не деньги Гундлаха. Мои собственные. — Она улыбнулась. — Интересно, какое впечатление производит на вас наша история? Богатый старик заказывает молодому художнику портрет своей молодой жены, а они влюбляются друг в друга и сбегают. Расхожее клише, не правда ли? — Она продолжала улыбаться. — Мы любим расхожие клише за их правдивость. Впрочем... Разве Гундлах уже старик? А Карл все еще молодой художник? — Она рассмеялась, и меня удивил хрипловатый смех женщины с белокурыми волосами, бледной кожей и ясным взором. Смеясь, она чуть прищурилась. — Порой я задаюсь вопросом: так ли уж молода я сама?

Я тоже улыбнулся:

— Разве нет?

Она сделалась серьезной:

— У молодых есть чувство, будто все поправимо — все неудачи, проступки, даже преступления. Если этого чувства нет, а события и поступки оказываются необратимыми, значит мы стареем. У меня такого чувства больше нет.

— Тогда я вообще не был молодым. Моя мать умерла, когда мне было четыре года, — разве такое поправимо? Бабушка не смогла заменить ее.

Она пристально взглянула на меня своими ясными глазами: — Вы еще никогда не любили, верно? Вероятно, вам следует постареть, чтобы стать молодым. Чтобы найти свою женщину, вернуть себе мать, которую вы потеряли, сестру, которой у вас не

было, дочь, о которой вы мечтаете. — Она улыбнулась. — Мы, женщины, становимся всем этим, когда нас любят по-настоящему. — Она встала. — Не знаю, увидимся ли мы снова. Надеюсь, что нет, — пожалуйста, поймите меня правильно. Если мы увидимся снова, все пойдет вверх дном. Не кажется ли вам иногда, что Бог, позавидовав нашему счастью, рушит его?!

9

Мне хотелось бы считать ее слова пустой болтовней и поскорее забыть о ней. Какая разница, ее это деньги или Гундлаха. Главное, денег у нее хватает и работать ей не надо. Бездельница, пустышка. Однако забыть ее не удавалось. Она не шла у меня из головы — нога, положенная на ногу, узкие джинсы, узкий топик, ясные глаза и хрипловатый смех; раскованная, вызывающая, приводящая в смятение. Да, я испытывал смятение, когда она сидела напротив. Еще более сильное смятение я испытал на следующий день, побывав в доме Гундлаха и увидев ее портрет.

Нет, подумал я, когда Гундлах вышел мне навстречу и поздоровался, он вовсе не старик. Лет сорока на вид, худощав, густые темные волосы с проседью на висках, энергичные движения, энергичная манера говорить.

— Спасибо, что пришли. У нас сложились непростые отношения с вашим клиентом. Уверен, нам с вами будет легче.

Я не собирался ехать к Гундлаху в Таунус. Мне хотелось настоять, чтобы он приехал ко мне, коль скоро ему от меня что-то нужно. Однако он позвонил нашему администратору, и тот договорился с Гундлахом о моем визите.

— Не принять приглашение Гундлаха? Вам предстоит еще многому научиться.

Администратор перечислил фирмы, которыми владел Гундлах, обрисовал размеры его состояния и влияние. Пришлось поехать, в доме меня встретил камердинер, провел в фойе, где я некоторое время сидел, ожидая Гундлаха и борясь со своей гордыней.

Задело мою гордыню и то, что Гундлах взял меня под руку. Он провел меня в салон. Справа окна с видом на равнину, слева книжные стеллажи, прямо передо мной на белой стене — картина. Я остановился, не мог не остановиться, и Гундлах отпустил мою руку. Вы еще никогда не любили... когда нас любят по-настоящему... Бог завидует нашему счастью... Все, что было сказано накануне, теперь обещала она, обнаженная, спускаясь по лестнице.

— Да, — сказал Гундлах, — прекрасная картина. Но на ней лежит какое-то проклятье. Ноги, грудь, пах, одно повреждение за другим. — Он покачал головой. — Закончились ли эти повреждения? Не уверен. А вы?

— Я...

— А что, если повреждениям не будет конца? И Швинд будет являться сюда снова и снова? Я не хочу видеть его у себя, пусть лучше пишет новые картины, а не реставрирует старые. Но он не может иначе. Вот и приходится пускать его в дом для реставрации, как того требует закон. Так ведь?

Он смотрел на меня дружелюбно, иронически. У него были свои адвокаты, поэтому он знал, что юридические позиции Швинда весьма слабы. Понимал

я и то, что должен делать вид, будто эти позиции сильны. Я не мог подвести своего клиента. Не мог и сказать Гундлаху, что он ведет с моим клиентом нечестную игру. Я кивнул.

— Швинд хотел бы вернуть себе картину. У него такое чувство, что, пока картина у меня, не будет покоя ни ему, ни ей. Разве вы не согласны, что у всего есть свое место? Если что-то окажется не на своем месте, покоя не будет. Ни картине, ни людям.

— Если вы хотите покоя, как и мой клиент, то он готов выкупить картину.

— Он уже делал мне это предложение. Но утратила покой не только картина. Видите, как женщина спускается по лестнице? Собранно, спокойно, свободно? Однако, спустившись вниз, она лишилась покоя. Потому что оказалась там, где ей не место.

— Но ваша жена не производит впечатления, будто...

— Не перебивайте меня! — Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы прийти в себя от моей дерзости. — Впечатления обманчивы. Разве картина не производит приятного впечатления, хотя на ней лежит проклятье? Важно не впечатление, которое производит моя жена, а то, что она лишилась внутреннего покоя. И важно, чтобы она обрела его вновь.

Я подождал, не продолжит ли он говорить. Но Гундлах встал и принялся рассматривать картину.

— Не понимаю, что... — Он повернулся ко мне. —

Завтра сюда придет Швинд. Я должен принять отреставрированную картину. Если с картиной до завтрашнего дня что-либо произойдет, если Швинд в таком случае вновь обратится к вам, если он придет к вам без моей жены, если он попросит вас подготовить необычную сделку — исполните его просьбу. Необычное имеет свойство приводить нас в замешательство, но порой необычное и есть то, что нужно. Разве мы не живем в необычные времена? А сделка бывает порой очень важной, даже если ее нарушителя нельзя привлечь к ответственности по суду.

Я не понял его, но мне не хотелось вновь признаваться, что я ничего не понял. Увидев это по моему лицу, он усмехнулся, опять взял меня под руку и вывел обратно в фойе.

— Не обижайтесь, но юристы зачастую слишком обычны. Я чувствую это, когда вижу юриста, столкнувшегося с необычной проблемой.

10

По пути домой я понял, что влюбился в Ирену Гундлах.

Я понял это, хотя у меня не было опыта любви. Мне нравилась наша учительница математики, маленькая женщина с живыми глазами, звонким голосом и в короткой юбке. Однажды я тайком прикрепил к багажнику ее велосипеда красную розу. А еще была девочка из нашей школы, на которую я всегда засматривался; оказавшись где-нибудь в городе, я надеялся встретить ее и сделать то, на что не осмеливался в школе, — заговорить с ней, а она обрадуется мне и ответит. Иногда я целыми днями не мог думать ни о чем другом, только о ней, о том, чем она сейчас занимается и что сделать, чтобы обратить на себя ее внимание, понравиться ей, а еще о том, что будет, если мы окажемся наедине. Накануне трудной контрольной работы по математике мне предстояло хорошенько подготовиться, поэтому я решил не думать о девочке, пока не напишу контрольную, и наваждение само собой исчезло. Когда я учился в университете, девушек на юридическом факультете почти не было, а со студентками других факультетов я почему-то не общался. Во время каникул я подрабатывал на складе запчастей, где, кроме водителей автопогрузчиков и нескольких студентов, работали одни женщины. Они отпускали в наш адрес

похабные шуточки, делали нам непристойные предложения, я смущался, не зная, как реагировать. Одна работница нравилась мне, она была тише других, молодая, темноволосая, с добрыми глазами; в последний день работы я задержался у проходной, поджидая ее. Но, выйдя из проходной, она напрямиком направилась к парню, который стоял, прислонившись к дереву, на противоположной стороне улицы.

Возможно, если у тебя есть мать или сестра, легче научиться общению с женщинами и любви. Когда моя мать умерла, отец отдал меня своим родителям, которые были готовы баловать меня, как обычно дедушки и бабушки балуют внуков, но не хотели заниматься моим воспитанием. Эту задачу они выполнили, воспитав своих четверых детей, я не мог им дать ничего нового, поэтому отношение ко мне было практичным и сдержанным. Не то чтобы мне чего-то не хватало. Я брал уроки игры на пианино, занимался теннисом, учился танцевать и водить машину. Но бабушка и дедушка давали мне понять, что этим их обязанности исчерпаны и желательно, чтобы в остальном я оставил их в покое.

Я представлял себе, что однажды встречу с женщиной, мы понравимся друг другу, начнем встречаться, будем нравиться друг другу все больше, встречаться все чаще, сблизимся еще сильнее и в конце концов полюбим друг друга. Через несколько лет так и получилось с моей будущей женой. Она поступила в нашу юридическую фирму стажеркой, была исполнительна и дружелюбна; она принимала